

А.С. Голобоков

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий

Исследованы особенности военно-политического сотрудничества России с Китаем и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Цель работы – проанализировать динамику и характер военно-морских учений России с Китаем и США за последние годы и определить интересы участников и перспективы подобных учений в будущем с учетом непростых международных отношений, складывающихся в АТР. Актуальность исследования состоит в неоднозначности комплексной оценки двустороннего и многостороннего военно-политического сотрудничества в АТР, которое не только определяется политическим мотивом, но и направлено на решение определенных экономических задач.

Предложенный подход состоит в многофакторном анализе замыслов и сценариев учений, официальных документов и сообщений СМИ, действий заинтересованных сторон и результатов организации совместных морских учений. Сделан вывод о том, что проведение крупномасштабных военно-политических мероприятий в АТР предоставляет России возможность отстаивать свои национальные интересы и демонстрировать свою позицию по отношению к региональным угрозам безопасности, не вступая в двусторонние альянсы и оставаясь самостоятельным актором в АТР.

Результаты исследования представляют ценность для политиков, дипломатов, ученых, изучающих возможность создания эффективной модели взаимодействия между США, КНР, Россией и другими участниками АТР. Значимость исследования состоит в анализе подходов отечественных и зарубежных авторов к военно-политической составляющей стратегии России в АТР. Исследование может послужить основой для будущей сравнительной работы в области общественных наук с учетом общих черт в азиатско-тихоокеанских стратегиях США, Китая и России.

Ключевые слова и словосочетания: Азиатско-Тихоокеанский регион, стратегическое партнерство, военно-морское сотрудничество, региональная безопасность, Морское взаимодействие, национальный интерес, международные отношения, Россия, Китай, военно-морские учения, национальная политика, США.

A.S. Golobokov

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Naval military and political interaction of Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific: dynamics of international and regional contradictions

Various features of political and military cooperation between Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific studied in the paper. The goal is to analyze the dynamics and character of modern Russian-Chinese and Russian-U.S. naval exercises and to determine the participants' interests and prospects of these exercises whereas the difficulties of international relations in the Asia-Pacific. The research is topical, as the comprehensive assessment of bilateral and multilateral military and political cooperation in the Asia-Pacific is diversified. It determined not only by political reasons, but also aimed at solving specific economic problems. Multiple-factor analysis of exercises plans and scenarios, official documents and media reports, actions of stakeholders and the results of joint naval exercises proposed. The conclusion is made, that conduction of large-scale military and political exercises in the Asia-Pacific gives Russia the opportunity to defend its national interests and to demonstrate its position to regional security threats by avoiding bilateral alliances and remaining an independent participant in the Asia-Pacific. Results from this study could be useful for policymakers, diplomats and lecturers, as they work to construct an optimal model of interaction between the U.S., China, and Russia and others concerning development of the Asia-Pacific. The originality of the work is also in analysis of Russian and foreign approaches to military and political factor or Russian strategy in the Asia-Pacific. Further, this study can contribute to future work in the field of comparative studies as there are a number of parallels between the U.S. and Russian politics in the Asia-Pacific.

Keywords: Asia-Pacific, strategic partnership, naval cooperation, regional security, Sea Interaction, national interest, international relations, Russia, China, naval exercises, national policy, U.S.A.

Введение

Интенсификация военно-политической активности России в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами показывает, что за последние годы многовекторность российской внешней политики существенно возросла. Принимая участие в военно-политических мероприятиях с военно-морскими силами Китая, Индии, Индонезии, Азербайджана, Египта и т.д., Россия демонстрировала свой военно-политический потенциал и одновременно решала задачи проверки состояния готовности войск и сил флота, а также применения способов действий войск с учетом современного опыта.

Вместе с тем на тихоокеанском геополитическом театре ключевыми и во многом разнонаправленными продолжают оставаться отношения в треугольнике Россия–КНР–США. Китай с начала 2000-х продолжает оставаться стратегическим партнером России, и двусторонние военно-морские учения между этими государствами проводятся с учетом уже сложившихся традиций и особенностей. При этом

Россия в недавнем прошлом участвовала в военных маневрах с США – главным региональным соперником Китая в АТР. Можно предположить, что Россия заинтересована в поддержании и укреплении стратегического партнерства как с КНР, так и с США, в том числе в его военном измерении. Этому, в первую очередь, и способствует проведение масштабных совместных учений. Цель данной работы – проанализировать динамику и характер военно-морских учений России с Китаем и США за последние годы, определить интересы участников и перспективы подобных учений в будущем с учетом непростых международных отношений, складывающихся в АТР.

Военно-политическое сотрудничество России, Китая и США анализировалось в трудах таких отечественных и зарубежных авторов, как А. Балыбердин [1], В. Кашин [5], Ю. Коидзуми [6], В. Терехов [7], А. Хроленко [9], Р. Де Вийк [10], Н. Курт [12] и др. Неоднозначность комплексной оценки подобных учений связана с целым рядом факторов: проведение их в различных районах мирового океана в условиях геополитических и территориальных противоречий, усиление «блоковой» составляющей учений при их проведении в канун аналогичных маневров Запада и т.д. В некоторых случаях замысел и сценарии учений не только определяют политическим мотивом, но и направлены на решение определенных экономических задач.

В то же время, как отмечает А. Балыбердин, военно-морская деятельность в региональном аспекте – одно из ключевых функциональных направлений национальной морской политики России [1]. Наибольшее внимание в данном исследовании уделяется тем мероприятиям, проведение которых зачастую обусловлено международно-политическим контекстом и учитывает наличие в АТР таких серьезных «горячих точек» с участием ключевых игроков, как «ядерная проблема» на Корейском полуострове, японо-китайский спор об островах Дзяюйдао/Сенкаку, многосторонний территориальный спор о принадлежности островов архипелага Спратли и др. Предложенный подход состоит в многофакторном анализе замыслов и сценариев учений, официальных документов и сообщений СМИ, действий заинтересованных сторон и результатов организации совместных морских учений.

Россия и КНР: динамика и современная характеристика военно-морских учений

Некоторые западные ученые отмечают, что китайская и российская стратегии в АТР являются частью «политики силы», растущей с ослаблением Запада и связанной с притязаниями на часть регионального пространства [10]. С углублением стратегического партнерства России с Китаем контакты ВМФ РФ с ВМС НОАК (Народно-освободительная армия Китая) претерпели серьезные изменения, а частота проведения совместных военно-морских учений увеличилась. Помимо совместных тренировок кораблей во время визитов в порты друг друга экипажи кораблей, задействованных в антипиратских операциях, практиковались в совместной проводке караванов судов по коридорам безопасности у берегов Сомали, в Средиземном море и т.д.

К настоящему времени утвердились два основных формата учений России и Китая: «Мирная миссия» и «Морское взаимодействие». В первом формате практической стороной выступала подготовка и проведение командно-штабных и оперативно-тактических учений под эгидой Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС [3], которые включали разъединение конфликтующих сторон и обеспечение порядка у границ условного государства, в котором возникли этнические разногласия. В рамках ШОС первое морское учение «Мирная миссия» было проведено в 2005 г., тогда в задачи учений, помимо отработки слаженности маневрирования кораблей ТОФ РФ и ВМС НОАК, входила совместная высадка китайско-российского морского десанта на необорудованное побережье полуострова, захваченного условными бандформированиями. По сценарию «Мирной миссии – 2005» основная роль надводных кораблей заключалась в прикрытии ими десантных сил.

Обратим внимание, что изначально в 2005 г. КНР предложила провести учения в провинции Чжэцзян, которая находится недалеко от Тайваньского пролива, с целью демонстрации военно-морской мощи Тайваню [6]. В итоге переговоров стороны выбрали для учений Шаньдунский полуостров, однако их политическая направленность сохранилась, и на морском этапе были проведены учебно-боевые пуски ракет, как с надводных кораблей, так и из-под воды, с китайской подводной лодки.

В маневрах 2005 г. по количеству участников явно доминировал Китай, который выставил рекордное количество в 60 кораблей для имитации масштабного десантирования на необорудованное побережье (впрочем, экспертам было ясно, что отрабатывался силовой вариант решения Тайваньской проблемы). От России в «Мирной миссии – 2005» участвовали 5 кораблей и подразделение морских пехотинцев Тихоокеанского флота.

При этом учения 2005 г. стали единственной морской «Мирной миссией», после чего учения с этим названием переместились на сушу и стали шестисторонними (по количеству стран – постоянных членов ШОС). В 2011 г. КНР вновь предложила провести «Мирную миссию» на море, однако Россия отказалась, так как сухопутная традиция и характер этих учений – борьба с терроризмом и экстремистскими группировками на отдельно взятом пространстве – к этому времени вполне сложились.

Иначе формировались характер и особенности другой серии совместных российско-китайских учений – «Морское взаимодействие», предусматривающих проведение совместных операций флотов двух стран на обширном морском пространстве. После 2005 г. крупные учения между нашими странами не проводились семь лет. Со сменой названия на «Морское взаимодействие» эти маневры стали ежегодными. Первые учения в таком формате были проведены в 2012 г. в Желтом море и включали в себя освобождение захваченного судна с применением вертолетов и быстроходных лодок с подразделениями спецназа, форсирование опасного района, поисково-спасательные операции, оказание помощи аварийному судну в ведении борьбы за живучесть. В отличие от «Мирной Миссии – 2005», на «Морском взаимодействии – 2012» ракеты не запускались, а стороны ограничились артиллеристской стрельбой и совместными маневрами кораблей.

С заявлениями многих российских и зарубежных СМИ о возросшем масштабе учений можно согласиться лишь отчасти. Так, в 2005 г. со стороны России в порту Циндао ошвартовались один большой противолодочный корабль (БПК), большой десантный корабль, эскадренный миноносец, морской танкер и буксир. В «Морском взаимодействии – 2012» приняли участие уже три российских БПК, ракетный крейсер, танкер и два морских буксира. Другими словами, по сравнению с 2005 г., число привлекаемых на учения российских боевых кораблей возросло, при этом в совместных маневрах впервые принял участие ракетный крейсер – корабль, подобного которому в китайских ВМС нет.

Посмотрев на силы, задействованные китайскими моряками, можно увидеть уменьшение их количества по сравнению с «Мирной миссией». В 2005 г. китайское командование выставило на учения 60 надводных кораблей и подводных лодок и около 8000 военнослужащих. В 2012 г. в маневрах приняли участие 18 кораблей ВМС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и примерно 4000 человек личного состава. При этом были задействованы 10 ракетных эсминцев и ракетных фрегатов от трех флотов ВМС НОАК, то есть корабли океанской зоны.

На учениях 2012 г. Россией и Китаем отрабатывались те же задачи, которые выполняются военными кораблями двух стран в Аденском заливе: конвоирование судов, действия экипажа по боевой тревоге, выполнение задач по поддержанию боеготовности корабля. Кроме того, в 2012 г. стороны отработали практические стрельбы в едином кильватерном строю, что можно охарактеризовать как действия, направленные против мощного противника, имеющего современные военно-морские вооружения. В пользу этого говорит и эпизод, в котором стороны боролись с подводным противником, действия которого имитировала китайская подводная лодка.

В 2012 г. китайская сторона отрабатывала действия на море полноценной корабельной ударной группировки, в составе которой находятся крупные корабли класса «крейсер». Одной из причин этого является необходимость Китая в такой группировке для прикрытия своих авианосцев, первый из которых («Ляонин») вошёл в состав ВМС НОАК как раз после учений 2012 г.

Прошедшие под Владивостоком (в заливе Петра Великого) учения «Морское взаимодействие – 2013» закрепили традицию очередности проведения маневров на акватории каждой из сторон. В отличие от предыдущих учений, ВМС НОАК в 2013 г. представили рекордную по количеству группу боевых кораблей за пределами своего государства. Четыре эсминца, два эскортных корабля (фрегата) и судно обеспечения представили собой быстроходную, маневренную, а главное – боеспособную группировку, способную решать широкий спектр задач в море: от борьбы с подводными лодками, кораблями и летательными аппаратами противника до охраны соединений кораблей или конвоев судов на переходе морем. Суммарно на кораблях было размещено до 160 зенитных ракет, а этого достаточно для борьбы с крупной авианосной группой. Кроме того, все корабли были построены в 2000-х годах, и группу можно назвать современной.

По сравнению с предыдущими маневрами ударная сила Тихоокеанского флота также возросла: ракетный крейсер, эсминец, противолодочные и ракетные корабли общим количеством 11 единиц. Добавим, что в 2013 г. на учениях от российской стороны были впервые задействованы истребитель-бомбардировщик Су-24М и малозумная дизельная подводная лодка класса «Кило», поэтому в целом тенденцию увеличения совокупной мощи участников «Морского взаимодействия» можно назвать сложившейся.

По своему предназначению маневры не претерпели особых изменений и были посвящены повышению уровня оперативной совместимости, углублению политического доверия и развитию стратегического взаимодействия между Россией и Китаем. Тем не менее, по отдельным эпизодам учения 2012 и 2013 годов существенно разнятся. Прежде всего, это касается антитеррористической составляющей, которая в 2013 г. была выражена более ярко: подразделения антитеррора практиковались в освобождении захваченного судна с применением вертолетов и быстроходных лодок. В 2013 г. совместные артиллерийские стрельбы были также дополнены эпизодами совместной обороны от подводных и воздушных противников, стрельбой по воздушным мишеням, сброшенным с самолета, поиском и уничтожением «неприятельской» подводной лодки условного противника. Таким образом, заметно расширилась «боевая» составляющая учений, которая дополнила ставшие уже традиционными эпизоды совместного эскорта и конвоирования судов, спасения угнанных кораблей, охраны и обороны на незащищенном рейде и поисково-спасательной операции по оказанию помощи аварийному кораблю.

Следующие военно-морские учения «Морское взаимодействие» прошли в конце мая 2014 г. в акватории Восточно-Китайского моря (ВКМ) и по времени совпали с визитом в КНР Президента РФ и его участием в шанхайском саммите Сопредседатели по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

При этом в январе 2014 г. взаимодействие флотов обеих стран отрабатывалось также в Средиземном море, таким образом, впервые за один год было проведено два совместных военно-морских учения России и Китая. В 2014 г. на учениях в ВКМ («в гостях») Россия представила 6 надводных кораблей, а китайская сторона – 6 надводных кораблей и 2 подводные лодки.

Важным эпизодом учений стала отработка антипиратских действий – конвоирование гражданского судна и противодействие катерам условного противника, в ходе которого с вертолетов Ка-27 был открыт предупредительный огонь. Таким образом, практика совершенствования навыков по совместной защите морских коммуникаций, начатая в январе 2014 г. в Средиземном море, получила продолжение на «Морском взаимодействии – 2014». То, что в тематику «Морского взаимодействия» неизменно входят эпизоды по конвоированию судов и кораблей, досмотру и сопровождению подозрительных плавсредств и освобождению судна, выглядит логичным, так как обе стороны синхронно конвоировали вывоз из Сирии химического оружия в начале 2014 г., а с 2009 г. осуществляют регулярное боевое дежурство в Индийском океане.

Больше внимания стало уделяться и командно-штабной фазе, в ходе которой отрабатывались навыки управления корабельными соединениями и решения задач без участия кораблей. Это позволило повысить оперативную совместимость сторон во время активной фазы, в ходе которой к маневрам были привлечены две полноценные морские группировки. Во время практического розыгрыша по взаимному противодействию в 2014 г. корабли России и Китая собирали и передавали информацию о нахождении условного противника.

В свою очередь, одной из главных особенностей «Морского взаимодействия – 2015» стала смена региона проведения учений – с тихоокеанского на средиземноморский. Впрочем, практика совершенствования навыков по совместной защите морских коммуникаций между двумя странами в Средиземном море была начата еще в январе 2014 г., когда российские и китайские корабли обеспечивали вывоз химического оружия из Сирии. Кроме того, Россия имеет в регионе соглашения в сфере морского сотрудничества с Сирией и Кипром, а с 2013 г. поддерживает постоянно действующее оперативное соединение сил флота в средиземноморской зоне.

В 2015 г. Китай отправил в Средиземное море три корабля – два ракетных фрегата и судно комплексной поддержки. Россия, имевшая больше возможностей как принимающая сторона, представила на учениях ракетный крейсер, ракетный корабль на воздушной подушке, сторожевой корабль, два больших десантных корабля и морской буксир. Оба китайских фрегата были достаточно современными кораблями, введенными в эксплуатацию в 2012 и 2013 гг. Немаловажно, что и фрегаты ВМС НОАК, и российские ракетные корабли-участники учений являются носителями противокорабельных ракет. За время учений эти корабли выполнили ряд совместных артиллерийских стрельб по морским мишеням, а также стрельбы реактивными глубинными бомбами по условным подводным целям.

Сохранение ключевой роли кораблей-носителей ракетного оружия и связанных с этим ракетно-артиллерийских задач предполагало повышение уровня оперативной совместимости флотов России и Китая, расширяющее возможности проведения совместных военно-морских операций в различных районах Мирового океана. Во время учений между сторонами был произведен обмен радиолокационными данными, что предполагает высокий уровень стратегического доверия. Тенденцию повышения оперативной совместимости российских и китайских подразделений можно было также наблюдать при отработке управления объединенной группировкой с борта ракетного крейсера «Москва» и обеспечения комплексной защиты кораблей в составе тактических групп.

От окончания первого до начала второго этапа «Морского взаимодействия – 2015» прошло всего три месяца. Второй этап морских учений России и Китая в 2015 г. прошел летом в заливе Петра Великого и включил в себя также наземную составляющую. Будучи в этот раз ближе к родным берегам, Китай нарастил состав боевой группировки до семи кораблей: 2 эсминца, 2 сторожевых корабля, 2 десантных корабля и судно снабжения, а также усилил группировку штурмовой и десантной авиацией и бронетехникой. Как и на предыдущих учениях, техника была самой современной, а в преддверии военного парада НОАК в Пекине в честь

70-летия победы военное командование постаралось продемонстрировать потенциал военно-морских сил верховному руководству страны.

От России было задействовано около 15 больших и малых кораблей, подлодок и судов обеспечения, подразделения морской пехоты, бронетранспортеры БТР-80 и т.д. Примечательно, что по своей специфике второй этап российско-китайских учений 2015 года во многом напоминает «Мирную миссию – 2005». Как и десять лет назад под Циндао, в августе 2015 г. корабли обеих сторон выбивали «силы противника», закрепившегося на отдельной территории, окружая его на разных участках побережья с привлечением авиации и наземных подразделений. При этом, в отличие от 2005 г., в августе 2015 г. условной целью участников совместных тренировок стал отвод гражданского населения из зоны конфликта по выделенному «коридору безопасности».

В 2016 г. учения «Морское взаимодействие» впервые прошли в Южно-Китайском море у побережья китайской провинции Гуандун – в регионе, где имеют место споры КНР с некоторыми странами региона по территориальной принадлежности целого ряда островов. Всего от России и Китая были задействованы 18 кораблей и судов обеспечения. Особенностью данных учений стало формирование двух отрядов кораблей и противоборствующей стороны с целью организации взаимодействия, для чего была применена объединенная система обмена информацией и командования. Соответственно, отличительной чертой данных учений стал не масштаб, а содержание. Стороны отработали высадку десанта на необитаемые острова, при этом они задействовали десантные суда и вертолеты, а также вступали в бой с гарнизоном островов.

Организация совместных морских учений России и Китая показывает, что каждый год они проходят на новом театре и становятся более содержательными: например, начали формироваться смешанные подразделения из российских и китайских кораблей, усложнились особенности совместной коммуникации и т.д. Не секрет, что учения «Морское взаимодействие» имеют прямое отношение к изменившейся расстановке сил в АТР, главным образом в треугольнике «Россия – США – Китай», после «поворотов» первых двух держав на Восток в 2011–2012 гг. По сравнению с 2005 г., когда стороны «боролись с терроризмом» с помощью стратегических бомбардировщиков и подводных лодок, запускающих ракеты из-под воды, действия ВМС обеих стран уже не выглядят завуалированными, напротив, они вполне недвусмысленны. Это полноценные военно-морские маневры, в ходе которых отрабатываются все основные элементы морского сражения, в том числе борьба с авиацией, подводными лодками, надводными кораблями, высадка десанта [9]. Естественно, что для китайского руководства, которое всегда остро реагирует на события по периметру своих морских границ, гораздо предпочтительнее «демонстрировать флаг» со своим «стратегическим партнером» – Россией, нежели в одиночку.

При этом содержание учений «Морское взаимодействие» вполне согласуется с китайской концепцией «гармоничного моря», то есть механизма сотрудничества по обеспечению безопасности на море [7]. Как указано в современной военной стратегии КНР (девятой «Белой книге»), всестороннее развитие военных отношений подразумевает углубление китайско-российского сотрудничества в рамках

всеобъемлющего стратегического партнерства. Расширение взаимодействия по проведению учений в области противодействия традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности, повышение совместной боеготовности армий также являются необходимыми составляющими расширения международного сотрудничества в области безопасности [2].

Наращивание боевой мощи участников российско-китайских учений, как и расширение спектра совместных задач – от антитерроризма и борьбы с пиратством до противовоздушной защиты, противолодочной обороны и ведения морского боя, имеет конкретные причины. Это и проверка готовности сил флота к действиям в составе полноценной корабельной группировки, и совершенствование морской и летной выучки экипажей кораблей и судов, и оценка десантных возможностей, а для Китая – ещё и повод продемонстрировать возросший потенциал ударной и десантной составляющих ВМС в контексте ведущихся в АТР территориальных споров.

Прежде всего это касается спорных островов архипелага Сенкаку (Дяюйдао), островов Наньша (Спратли) и Хуаньянь (риф Скарборо), на которые, помимо Китая, претендует группа стран АТР. В спор вовлечены Вьетнам, Филиппины, Бруней, Малайзия, Тайвань. Обострение территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях уже привело к развертыванию локальной гонки вооружений между Китаем, с одной стороны, и США, Японией, Вьетнамом и Филиппинами – с другой [5]. При этом «Морское взаимодействие – 2014» практически совпало по времени с конфликтом Китая и Вьетнама из-за размещения в спорных водах китайской плавучей буровой платформы и последовавшими за этим антикитайскими погромами на юге Вьетнама. Кроме того, КНР уже давно готовится к возможному кризису на Корейском полуострове: усиливает контроль над границей и проводит учения войск по ее перекрытию [13].

Китайское командование назвало «Морское взаимодействие» учениями, направленными на расширение возможностей противостоять возможным угрозам, возникающим на море. Нетрудно догадаться, что одна из этих угроз для Китая – споры вокруг территорий. Не стоит забывать при этом, что сохранение нейтральной позиции в международных конфликтах и спорах и отказ от участия в войнах, столкновениях и т.д. – факторы, которых китайское руководство неизменно придерживается на внешнеполитической арене [4].

В целом, задачи, отрабатываемые ВМС России и Китая в ходе совместных учений, во многом совпадают: налаживание взаимодействия между флотами и подразделениями, антитеррористическая и антипиратская деятельность, оптимизация и практическая проверка военно-морских сил, в том числе находящихся на значительном удалении от мест постоянного базирования в составе объединенной группы; демонстрация флага на важных участках морских торговых путей. Очевидно, что, регулярно проводя совместные учения с Китаем, Россия продолжает «играть» на Тихоокеанском морском театре против США, которые за последние два года переориентировали более половины своих ВМС в АТР и могут попытаться блокировать морские коммуникации и ограничить доступ своим соперникам по АТР к энергоносителям и другим видам ресурсов.

Россия и США: анализ военно-морского взаимодействия

Несмотря на то, что, по мнению некоторых западных исследователей, США являются инициатором обсуждения и решения вопросов безопасности на Тихом океане [11], на практике Вашингтон постоянно проводит масштабные двусторонние военно-морские учения со странами-союзниками в регионе: Южной Кореей, Японией, Австралией, Филиппинами и т.д. Как свидетельствует анализ, ни одно крупное военно-морское учение с участием России и Китая не обходится без проведения в близкие сроки масштабных маневров США и их союзников, на которых зачастую отрабатываются задачи, аналогичные либо призванные противодействовать тем, что выполняются на российско-китайских, российско-индийских и других учениях.

К примеру, в 2012 г. ВМС США и Филиппин провели военно-морские учения «Баликатан» за несколько дней до начала активной фазы «Морского взаимодействия – 2012», целью которых было как раз отражение атак условного противника на объекты, находящиеся в приграничной зоне. В июне 2013 г. перед началом «Морского взаимодействия – 2013» США совместно с морскими силами самообороны Японии провели учения по высадке десанта у южного побережья Калифорнии («Блиц на рассвете») и учения военно-воздушных сил около острова Хоккайдо (всего в 800 км от места проведения российско-китайских учений в заливе Петра Великого). Майские учения 2014 г. «Морское взаимодействие» последовали за проведенными ранее в этом же году американо-южнокорейскими маневрами Key Resolve и Foal Eagle, в рамках которых отрабатывался сценарий силового удара по Пхеньяну.

Стоит отметить, что до украинского кризиса 2014 г. Россия выступала для США полноценным партнером в военно-морской сфере наряду с союзниками в АТР. Так, в Японском море проводились многосторонние морские учения ФРУКУС (FRUKUS), название которых образовано от названия четырех стран-участниц – Франции, России, Великобритании и США. До 2013 г. на Дальнем Востоке России ежегодно отрабатывалась антитеррористическая тематика военно-морских учений России и США в рамках двусторонних учений «Бдительный орел», на которых представители ВВС России и Командования воздушно-космической обороны Североамериканского континента (NORAD) отрабатывали совместные действия по отражению террористической атаки на воздушное судно.

Особое внимание следует обратить на участие России (наряду с Индией) в многонациональном учении «РИМПАК» (RIM of the PACific, или «Тихоокеанское кольцо»), которое прошло под эгидой США у Гавайских островов летом 2012 г. Приглашение России на «РИМПАК» можно считать «ответом» США на проведенные ранее российско-китайские учения «Морское взаимодействие», то есть попыткой восстановления паритета в треугольнике «США – Россия – Китай». Кроме того, для США важно, что Тихоокеанский флот РФ обладает достаточно большим опытом по обеспечению безопасности мореплавания и борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Учениям «РИМПАК» предшествовала череда других военных маневров, которые проводились в акватории Тихого океана в самых разнообразных комбинациях стран-участниц. США укрепили имеющиеся альянсы безопасности со странами

АТР (Японией, Австралией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами) и ищут новых региональных союзников. Среди последних выделяются Вьетнам, Сингапур, Индонезия и, конечно, Индия [8].

Интересы России как участника РИМПАК–2012 были очевидны – это возможность воочию оценить выучку экипажей американских кораблей, увидеть новые тенденции развития и изменения в тактике американских ВМС. Кроме того, большинство учений между Россией и США, как правило, проводятся в двустороннем формате, а РИМПАК – многонациональное учение. Поэтому для российских моряков это еще и возможность показать собственные профессиональные навыки, которые, с учетом формата РИМПАК, оценивались экспертами со всего АТР.

Поскольку целью РИМПАК является улучшение взаимодействия между флотами стран АТР для обеспечения региональной стабильности, усиление состава участников таким ключевым игроком, как Россия, способствовало политическому оздоровлению учений, когда наши моряки-тихоокеанцы действовали совместно с ВМС США в составе оперативного соединения.

В последующие годы учения РИМПАК проходили без РФ, поскольку Вашингтон приостановил сотрудничество с Москвой в военной сфере из-за ситуации на Украине, одновременно усиливая сотрудничество с традиционными союзниками по региону. Практически одновременно со вторым «Морским взаимодействием – 2015» в Южной Корее под флагом «командования ООН» прошли очередные военные учения «Бльчи – Фридом гардиен», следовавшие за традиционными ежегодными штабными учениями Key Resolve и маневрами Foal Eagle. Похожие по тематике на российско-китайские (высадка десанта на побережье, освобождение территории от условного противника при поддержке с воздуха), они были гораздо масштабнее: в маневрах участвовало около 80 тыс. военнослужащих США и Республики Кореи, военные Франции, Дании, Великобритании, Канады и т.д.

Реальная цель учений союзников на Корейском полуострове не изменилась – отработка силового сценария при внезапной эскалации обстановки у границ КНДР. В сравнении с российско-китайскими маневрами частота и интенсивность учений, проводимых американцами в АТР, в целом существенно выше и также нарастает. Так, в июле 2015 г. США провели военно-морские учения «Talisman Saber» с ВМС Австралии, Японии и Новой Зеландии, на которых помимо прочего отрабатывались действия амфибийных и сухопутных сил, десантирование с воздуха и практические учебно-боевые стрельбы. В январе 2016 г. США усилили свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе вторым атомным авианосцем «John C. Stennis», прибывшим в западную часть Тихого океана в связи с ядерными испытаниями КНДР и региональным противостоянием вокруг спорных островов в Южно-Китайском море.

В 2014 и 2016 гг. США пригласили ВМС НОАК к полноценному участию в РИМПАК, что свидетельствует как о гибкости американских подходов к взаимодействию с геополитическими соперниками в АТР, так и об усилении политического давления на Россию, выступающую главным военно-морским партнером Китая на этом пространстве.

За последние годы «симметричный ответ» Москвы на масштабные учения США со своими союзниками вблизи российских границ стал традиционным, и его действенность ни у кого не вызывает сомнений. Как отмечают некоторые исследователи, в стратегии России произошла переоценка роли регионализма, в связи с чем в стране пытаются риторически противостоять «европоцентристской» идеологии и отделить отношения с Китаем от всех остальных отношений в регионе [12]. В перспективе в Тихом и Индийском океанах будут проводиться не менее масштабные по составу и сложные по обрабатываемым задачам военно-морские учения РФ с Индией и Китаем. В то же время, с учетом ожидаемого в связи со сменой президентской администрации снижения напряженности в отношениях с США не исключено возобновление сотрудничества РФ с этой страной в военной сфере.

Заключение

Современная обстановка в сфере безопасности в АТР характеризуется борьбой за обладание контролем над морскими пространствами между «великими державами» с возможным вовлечением малых и средних государств в три «холодных» конфликта – весьма опасных с точки зрения военных потенциалов противостоящих сторон – «корейский», «тайваньский» и «южно-китайский». Эти угрозы безопасности реальны и не могут исчезнуть сами по себе, поэтому проведение военно-морских учений в этих районах не только имеет демонстративное политическое значение, но вполне может привести к ещё большему обострению этих конфликтов. Россия напрямую не втянута ни в один из них (хотя и имеет интересы безопасности на Корейском полуострове) и в этом смысле находится в достаточно выгодной позиции, позволяющей ей при успешной региональной политике, учитывая геополитическую конъюнктуру, поддерживать военно-стратегический паритет с ключевыми игроками АТР.

Учитывая напряженную обстановку, сложившуюся на Корейском полуострове после обмена угрозами КНДР и Южной Кореи, а также продолжающуюся конфронтацию России с Западом, интенсификацию военных учений можно назвать логичным шагом, направленным на поддержание паритета между США, РФ и КНР. Москва в целях защиты своих национальных интересов заинтересована в поддержании и укреплении стратегического партнерства с КНР и другими странами, в том числе в его военном измерении, чему, в первую очередь, способствует проведение масштабных совместных учений.

США с возникновением серьезных проблем в «азиатской» политике используют учения для демонстрации своей позиции по отношению к региональным угрозам безопасности, используя традиционные двусторонние альянсы и одновременно оставаясь самостоятельным актором в АТР. Китай «демонстрирует флаг» со своим «стратегическим партнером» – Россией, реагируя на события по периметру своих морских границ, и, вследствие нарастающего кризиса (потеря доверия ряда стран АТР, отказ развивать программу «Транстихоокеанское партнерство» и т. д.), попытается занять место США в АТР. Соответственно, крупные военно-морские учения в АТР можно расценивать как стремление сторон поддерживать

равновесие в сложно взаимодействующих треугольниках «Китай–Россия–США» и «Россия–Индия–США».

1. Балыбердин А. Морская доктрина в новой редакции // Морские вести России. 2015. № 10.
2. Военная стратегия Китая: девятая «Белая книга» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm
3. Голобоков А.С. КНР и военные контакты в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №4. С. 148–152.
4. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. №3 С. 117–124.
5. Кашин В. Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР // Carnegie Endowment for International Peace. Июнь. 2016. С. 3.
6. Коидзуми Ю. Почему военно-морские учения Китая и России проводились в Южно-Китайском море? // Wedge Infinity, Япония [Электронный ресурс]. URL: <http://wedge.ismedia.jp/articles/-/7837>
7. Ответы официального представителя МИД Китая Цинь Гана на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 15.09.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://tj.china-embassy.org/rus/fyrth/t212687.html>
8. Терехов В. Международные военно-морские учения в Тихом океане: почему в них участвует Россия? [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/smi/1338/>
9. Хроленко А. Военно-морское взаимодействие России и Китая изменяет мир [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/analytics/20150820/1197434790.html>
10. De Wijk R. Power Politics: How China and Russia Reshape the World. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 212 pp.
11. Kahler, Miles. Regional Economic Institutions and East Asian Security. In The Nexus of Economics, Security and International relations in East Asia. Ed. by Avery Goldstein and Edward D. Mansfield. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012. P. 66–95.
12. Kuhrt N.C. Russia and Asia-Pacific: From ‘Competing’ to ‘Complementary’ Regionalisms // Political Studies Association. 2014. Vol. 34. Issue 2. P. 138–148.
13. Ryall J. China Has a Secret Plan for the Collapse of the North Korean Government // Business Insider. 2014. May 6.

© А.С. Голобоков, 2017

Для цитирования: Голобоков А.С. Морское военно-политическое взаимодействие России, Китая и США в АТР: динамика международных и региональных противоречий // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. №1. С. 26–38.

For citation: Golobokov A.S. Naval military and political interaction of Russia, China and U.S. in the Asia-Pacific: dynamics of international and regional contradictions // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. 2017. Vol. 9. № 1. P. 26–38.

Дата поступления: 06.02.2017.